

https://www.huffpost.com/entry/first-nighter-dmitri-hvor_b_812867

THE BLOG [ARTS](#) [GIUSEPPE VERDI](#) [JAMES LEVINE](#)

First Nighter: Dmitri Hvorostovsky in Met's Ravishing Simon Boccanegra

During the first night of this season's Metropolitan Opera revival of the 1995 Giancarlo del Monaco production, the cast followed some straight-forward advice with prodigious rewards.

By [David Finkle, Contributor](#)

Writer, Drama Critic

Jan 24, 2011

This post was published on the now-closed HuffPost Contributor platform. Contributors control their own work and posted freely to our site.

There are times in opera when the best advice is just to stand there and sing. Or if the libretto calls for kneeling, then just to kneel there and sing. Likewise, if the action calls for lying down while dying, then just to lie there and sing. All these positions are called for in Giuseppe Verdi's 1857 (revised in 1881) *Simon Boccanegra*, and the cast -- whether standing, kneeling or lying dying -- during the first night of this season's Metropolitan Opera revival of the 1995 Giancarlo del Monaco production followed that straight-forward advice with prodigious rewards.

And what an ensemble, including hard-working chorus! When the round-up of the 2010-2011 season is compiled, it could well be that the *Simon Boccanegra* season premiere remains among the highest highlights, if not the single highest. Where to start? With, it only seems appropriate, Dmitri Hvorostovsky in the title role, which he's taken on at the Met for the first time. Handsome with white hair flowing, he meets all demands for a noble but conflicted, assailed, eventually failing Simon. The Russian baritone occasionally allowed a few notes to become foggy but for the most part was a commanding presence.

Barbara Frittoli's Maria -- also known as Amelia (don't ask yet, if you don't already know) -- may resort to gestures known only to sopranos on stage, but her singing was right up Verdi's street. Not surprising anyone in the audience but wowing them all, Ferruccio Furlanetto gave full voice and full acting chops to Fiesco, whose gripe with Simon starts early and lasts until just before final curtain.

Then there was Roberto De Biasio as Maria/Amelia's intended--and in for the ill Ramon Vargas (who'll appear for the remaining four performances). De Biasio generously offered consistently sweet tones supported by admirable vocal heft. It's his house debut, and he couldn't have provided a better one -- not if the ticket buyers were any barometer. Also debuting, as scheming Paolo, the Italian baritone Nicola Alaimo was robust in size and sound. Whenever the above five sang in any combinations of duets, trios or quartets -- and all abound here -- the results were greatly moving, not the least of which was the third-act finale of the prologue-and-three-acts opus.

Although *Simon Boccanegra* wasn't acclaimed when it bowed, it's now part of a canon about which there are almost no weak entries. Starting with the

overture, the music is exquisite -- sometimes tender, sometimes tough -- and conductor James Levine made certain that every nuance was attended to.

Set and costume designer Michael Scott's presentation of 14th-century Genoa (looking a bit 17th-century as well) also throws the singers into strong relief. There's a council chamber with a wall and ceiling mural so beautifully rendered, it may be that someone at the other Met--the art repository -- could get the itch to acquire it. And, oh, how del Monaco cleverly echoes that mural with his coda tableau.

As for the tale told -- the scenario adapted by Francesco Maria Piave and Arrigo Boito from Antonio Garcia Gutierrez's 19th-century melodrama-complete-with-poisoned-potion -- it's as confusing and complicated as Italian history ever is with its constant clash of city-states. The political factions, often casting patricians against plebeians and Guelphs against Grimaldis, befuddles all but the most analytic minds.

In the prologue, Simon has taken on the position of Doge but has his enemies, among them Fiesco for reasons having to do with a daughter considered too noble for Simon to marry. It's a problem when the couple already has their infant daughter Maria on hand and Fiesco's off-spring has just breathed her last. When the acts commence, the daughter, Amelia, whom Simon is now raising, has tumbled for Simon's young enemy Gabriele Adorno. Are the baby Maria and the adult Amelia one and the same, and will much come right when that's cleared up? What do you think? But also, please don't hold this reviewer responsible for any mistakes in the summary. The script is too much of a Rubik's Cube, don't you know?

Not to mention the poisoned cup that sits through much of act three, scene one with nobody but Simon -- for whom it's intended -- developing a pressing thirst. It's lucky that Hamlet's mom, Gertrude, who does like her libations, doesn't wander into the action.

Премьера: Дмитрий Хворостовский в потрясающем "Симоне Бокканегра" в Метрополитен

Во время первого представления возрожденной в этом сезоне в Метрополитен-опера постановки Джанкарло Дель Монако 1995 года труппа последовала нескольким простым советам, которые принесли поразительные результаты.

Дэвид Финкл

Писатель, театральный критик

24 января 2011

Этот пост был опубликован на ныне закрытой платформе HuffPost Contributor. Авторы сами контролируют свою работу и свободно размещают её на нашем сайте.

В опере бывают моменты, когда лучший совет - просто стоять и петь. Или, если либретто требует преклонить колени, просто встать на колени и петь. Так же, если действие требует лечь, изображая смерть, просто лежать и петь. Все эти позиции предусмотрены в опере Джузеппе Верди "Симон Бокканегра" 1857 года (переработанной в 1881 году), и актёры - стоя, на коленях или лёжа в первый вечер этого сезона в возрожденной Метрополитен-опера постановке Джанкарло Дель Монако 1995 года последовали этому простому совету и получили потрясающие результаты.

А какой ансамбль, включая трудолюбивый хор! Когда будут подводиться итоги сезона 2010-2011, вполне может оказаться, что премьера "Симона Бокканегры" останется если не самым ярким, то одним из самых ярких впечатлений. С чего начать? Кажется самым уместным, с Дмитрия Хворостовского в главной роли, которую он впервые исполнил в Метрополитен. Импозантный, с распущенными белыми волосами, он отвечает всем требованиям, предъявляемым к благородному, но противоречивому, подвергающемуся нападкам, и в конце концов терпящему поражение Симону. Иногда некоторые ноты русского баритона были неясными, но в большей части это была убедительная презентация.

Мария Барбары Фриттоли, также известная как Амелия (пока не спрашивайте, если вы ещё не знаете), может жестиковать, как свойственно на сцене только сопрано, но её пение было в духе Верди. Ферруччо Фурланетто, не удивив никого в зале, но поразив всех, в полный голос спел и сыграл Фиеско, чьи разногласия с Симоном начинаются с самого начала и продолжаются до самого финального занавеса.

Затем Роберто Де Бьяззо в роли избранника Марии/Амелии, заменивший заболевшего Рамона Варгаса (который появится в оставшихся четырёх спектаклях). Де Бьяззо щедро дарил неизменно приятные тона, подкреплённые замечательным вокальным мастерством. Это его дебют в Мет в качестве певца, и он не смог бы представить его лучше - если бы покупатели билетов были барометром. Также дебютировавший в роли коварного Паоло итальянский баритон Никола Алаймо отличался внушительными габаритами и звучанием. Всякий раз, когда вышеупомянутая пятёрка пела в любых комбинациях дуэтов, трио или квартетов - а их здесь предостаточно, - результаты были весьма впечатляющими, не последним из которых был финал третьего акта.

Хотя "Симон Бокканегра" не получил признания во время своего выхода, теперь он стал стандартом, в котором практически нет слабых мест. Начиная с увертюры, музыка изысканна - иногда нежна, иногда жестка, - и дирижёр Джеймс Ливайн позаботился о том, чтобы были учтены все нюансы.

Декорации и костюмы Майкла Скотта представляют Геную XIV века (которая, впрочем, выглядит и как XVII век), а также подчёркивают певцов. В зале совета фреска на стене и потолке выполнена так великолепно, что, возможно, у другого Метрополитен - музея - хранилища произведений искусства - возникнет желание приобрести её. И, о, как ловко Дель Монако переключается с этой фреской в своих мизансценах.

Что касается самой истории - адаптированной Франческо Мария Пьяве и Арриго Бойто мелодрамы с отравлением драматурга XIX века Антонио Гарсиа Гутьерреса - то она настолько запутанна и сложна, насколько вообще может быть запутанной история Италии с её постоянными столкновениями городов-государств. Политические группировки, в которых патриции часто выступают против плебеев, а гвельфы против гримальди, сбивают с толку всех кроме самых аналитичных умов.

В Прологе Симон занял пост дожа, но у него есть враги, среди которых Фиеско, дочь которого считается слишком благородной, чтобы Симон мог на ней жениться. Проблема в том, что у пары уже есть дочь Мария, а дочь Фиеско умирает. К началу действия, дочь Амелия, которую сейчас воспитывает Симон, влюбилась в молодого врага Симона Габриэле Адорно. Являются ли малышка Мария и взрослая Амелия одним и тем же лицом, и многое ли прояснится, когда это выяснится? Как вы думаете? Прошу не считать рецензента ответственным за ошибки в кратком изложении содержания. Либретто напоминает кубик Рубика, не так ли?

Не говоря уже об отравленной чаше, которая присутствует на протяжении большей части третьего акта, в первой сцене, где никто, кроме Симона, для которого она предназначена, не испытывает острой жажды. Повезло, что мать Гамлета Гертруда, любительница выпить, не участвует в действии.

Перевод с английского Н. Тимофеева